

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЧИНЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ

С.Ю. Нагорная

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
nagornaya@bsu.edu.ru*

Язык старообрядцев рассматривается как один из возможных путей развития русского языка в условиях изолированности.

Ключевые слова: эволюция языка, кодифицированная норма, старообрядчество

Мировые проблемы глобализации и интеграции неразрывно связаны с лингвистическими вопросами, так как язык является формой всякой культуры. Именно поэтому логично взгляд с имманентной структуры языка в лингвистике сместился на взаимоотношения языка и человека, языка и культуры.

Глобализация актуализирует и вопросы унификации языков и культур. История доказывает, что множественность языков и культур является необходимым условием существования мира [1].

Язык определенной нации, с одной стороны, есть аккумулятор особенностей жизни (духовной и материальной) носителей языка, с другой стороны, язык структурирует действительность, самосознание и мировоззрение конкретного этноса, «влияет на среду своего бытования – на ментальные процессы – и упорядочивает ее с помощью значений как когнитивных структур» [2:52].

В связи со сказанным следует обратить пристальное внимание на исследование преобразований языка такой особой части русского этноса как старообрядчество. Изменения, которым подвергался книжно-письменный язык старообрядцев на протяжении 300 лет, проецирует проблемы современного русского языка в эпоху глобализации, демонстрирует возможные пути его эволюции в переломные исторические периоды, когда встает вопрос о выборе дальнейшего пути развития. Выбор возможен между полярными модусами: либо включаться в мировое культурное пространство, либо изолироваться от него. Первый путь влечет за собой ассимиляцию и размывание, а иногда и утрату национальной самобытности, второй – консервацию и сохранение культурных традиций.

Старообрядчество XVIII-XX вв. остается все еще менее изученным явлением по сравнению с первым периодом староверия. Лингвистический аспект изучения старообрядческих текстов данного периода особенно актуален для объективного представления о состоянии, составе и тенденциях развития русского литературного языка, в определении доминант этнического и национального самосознания. Язык старообрядческих текстов показателен как одна из экстремальных возможностей эволюции русского литературного языка в эпоху столкновения разных культурных парадигм.

Языковая ситуация в России XVII-XVIII вв. до сих пор не имеет общепринятого, всесторонне обоснованного решения, неоднозначно трактуется проблема русского литературного языка этого периода и его нормы [3:242; 113].

Язык старообрядчества развивается в условиях сознательного изоляционизма и пуризма, в ярко выраженном типе антиассимилятивного культурного поведения.

Данная конфессиональная общность являет собой особую форму этнического самосознания, аккумулирующую непрерывный духовный опыт нации. Именно старообрядчество до сих пор сохраняет принцип уклада жизни средневековой Руси, когда вероисповедание и быт составляют одно целое, являясь частями единой системы. Ценностная ориентация этого дискурса не подвергалась упрощению, так как их жизнь не подвергалась секуляризации. Все это диктует необходимость пристального изучения и оценки данного наследия как объективной реальности.

Особенно интересным в заявленном аспекте представляется исследование языка сочинений старообрядцев-странников, одного из влиятельных согласий староверия, возникшего во втор. пол. XVIII в. и существующего поныне.

В странничестве, как и в раннем старообрядчестве, превалирует доктрина бережного сохранения книжной традиции позднего средневековья. Отношение к языковому знаку остается неконвенциональным. Язык текстов авторитетной топики оценивается как сакральный, что позволяет отображать действительность, но запрещает моделировать ее, т.е. манипулировать текстом.

Изучая с раннего детства традиционный язык православия – церковнославянский, овладевая его словарем, грамматикой, системой произношения, старообрядцы впитывают и национальные духовные формы культуры. Церковнославянский язык осознается как «субститут опыта», аккумулятор духовности, язык религиозного просвещения.

Ценностная отмеченность языковой единицы позволяет созерцать другой уровень пространства духовным видением, идеальное пространство, т.к. авторы уверены, что бытие не умещается в существующее. В этом пространстве противопоставляются не объекты, а уровни: духовное и физическое, идеальное и материальное, что помогает человеку в акцептации самого себя, принять целостность человеческой экзистенции во всей ее сложности. Сакральный текст рассматривается как образец действия, по которому сверяются индивидуальные поступки. С одной стороны, это дает уверенность в жизни, ценностях, особенно во времена исторических потрясений, не допускает до фрустрации, с другой стороны, возлагает ответственность за действия конкретного человека на него самого. Поэтому в языке данной конфессиональной группы нет специфических слов, связанных с идеей вероятности, квазиответственности (*образуется, обойдется, авось, на всякий случай, а вдруг* и т.д.). Все это, несмотря на эсхатологическую насыщенность вероучения, повлияло на жизнеспособность данного дискурса.

Языковой состав сочинений старообрядцев-странников отличается гетерогенностью, которая проецируется присутствием в них языковых элементов двух систем: традиционной (средневековой) и новой – унифицированной.

Старообрядцы равно владеют двумя данными системными кодами, что позволяет им осваивать и реинтерпретировать новые ситуации, аккумулируя при этом традиционный опыт, увеличивая коммуникативную активность и эвокационные способности.

Апелляция к первичным сакрально-авторитетным текстам (Св. Писания, святоотеческих поучений, раннего староверия), характерная для традиционного вероучительного жанра книжности, стимулирует авторов на использование традиционных знаков книжности. Но, ориентируясь на данные сакральные тексты, авторы не максимально сближают свои сочинения с ними по языковому составу. В их сознании существовал определенный набор признаков книжности, который позволял квалифицировать сочинения в соответствии с книжно-литературной традицией.

Соотнесенность с традицией выражалась в наличии маркированных книжных элементов и в отсутствии маркированных не книжных элементов. К последним относились разговорные синтаксические конструкции, диалектные слова, бытовая лексика и т.д. Маркированными книжными элементами осознавались:

• **сложная система прошедших времен:** *искусихся, истребовахъ, разсЪкоша, рече, отвЪцахъ, внесохомъ, изыдосте* и т.п. Соотношение форм аориста, имперфекта, перфекта и л-форм (перфект без связки) зависит от типа текста и времени создания памятника. В полемических и назидательных сочинениях процент употребления претеритов выше, чем в текстах, где преобладает историческое повествование, здесь чаще появляются л-формы. При сопоставлении страннических рукописей XV111 века с книжно-литературными текстами синхронного периода оказалось, что явное предпочтение форм простых претеритов существенно отличает страннические рукописи от книжно-литературных текстов XV111 века, в которых доминирующей формой прошедшего времени выступают л-формы. Соотношение форм прошедшего времени в страннических рукописях почти полностью совпадает с системой книжно-литературных текстов XV111 века [4]: *того ради сице и исполних. а и къ сту же вы статиям ихъ неинаго ради чесого не подписахуся, но точию ради положеннаго вних ко исправлению вашае присяги тья же*

их статьи соборнѣ издашася и обща всѣх братеи рукописанием законнѣ укрѣпишася [5:7].

- **формы вокатива.** Проповеднический характер бегунских сочинений подчеркивается прямым обращением к читателям, что провоцирует частое использование вокатива: *любимиче, хртолюбче, оче, человѣче, читател;*

- **формы *dualia tantum*:** *ногама, по плещама, рукама; от двою древу, двѣ естествѣ, въ двою естеству, двѣма перстома;*

- **в именном словоизменении: формы Р.п. мн. ч. муж. р. с нулевой флексией (-ъ).** Словоформы с флексией -ъ Р.п. мн.ч. отмечаются последовательно в устойчивых сочетаниях: *стѣхъ отец, стѣхъ апль.* Дифференциация по семантическому принципу четко прослеживается в употреблении вариантных флексий, напр. у лексики *отец: по послѣдованию прежних поморских оцѣ* [5: 2]); но: *а понеже вы сами себе признаша во оной присягѣ быти запрогъшность, и якож освоей присягѣ, тако и о отцовѣ* [5: 132]. Традиционная форма используется в значении святых отцов, форма с флексией -овѣ – в повествовании о современниках автора, имеющих прегрешения. Ср.: *предания старецѣ – от тамошних старцовѣ.*

- **флексию П. п. мн. ч. с -ѣхъ,-ехъ:** *во хрѣтианѣх, в человѣцѣхѣ, в вещьѣх, судѣх, в расколѣх, законѣх, временѣх, чедесѣх, уставѣх, случаѣх, глаголахѣ, в запоудѣх, вовратѣхѣ.*

- **формы И.п. мн.ч. на -ие** существительных не только с исторической основой на *i, для обозначения множественности: *людие, пастырие, царие, мужие, жителие, обличителие* и др.

- **формы прилагательных:** на -ыя/-ия: *стѣя церкви* [6], *ради великия скорби* [7: 2 об], *законы новыя, нечистыя дѣмоны, неправѣдныя суди.*

- **формы прилагательных** в Р.п. на -аго: *надлежащаго, подлаго, мирскаго, общественаго, душевнаго, живущаго, церковнаго, телеснаго.*

- **формы со свистящими:** в *языцѣх, человѣцы, волцы.* В рукописях XV¹¹¹ в. без вариантов отмечаются формы Д.п. и П.п. ед.ч. со свистящими у лексики *рука, книга,* а также существительные м.р. основ на *-о в П.п.: *о бзѣ, о члцѣ.* Формы со свистящими используются в устойчивых сочетаниях типа: *на дѣсней руцѣ, в книзѣ псалтыри, в книзѣ о правой вѣрѣ.* Наиболее последовательно представлены формы со свистящими в И.п. мн.ч.: *отступницы, хищницы, раздорницы, спорницы, поборницы.*

- **формы личных местоимений:** *азѣ отвѣцах, азѣ писалѣ и послахѣ* [5], *азѣ разумѣваю* [8], *на тя уповаем* [9], *яви ми* [10].

- **формы неличных местоимений:** *симѣ, которья, по сему, сие, оныя, оныи, в коихѣ, сему, тако: вси члцы* [8], *вси тѣбѣ покаряемѣ* [9].

- **формы инфинитива на -ти:** *поведати, быти, повѣдати, умирати, прельстити, украсти, убити.*

- **формы презенса 2 л. ед.ч. на -ши:** *твориши, глѣши, видиши, слышиши.*

- **формы презенса нетематических глаголов:** *имать, вѣмы, есмы, не вѣдают, имаши, ни есть: неимать хотѣния до сего* [6: 28 об.].

- **формы повелительного наклонения:** *зри, реци, помози, яви, не таи, облецы, остави, востани, воньмите: помози намѣ грѣшним соотвѣтствовати вопрошающимѣ насѣ* [9: 26 об].

- **церковнославянские наречия:** *абие, сице, такожде* и т.д.;

- **церковнославянские союзы и частицы:** *аще, аки, дондеже, понеже, егда, бо, де, убо* и др.

- **абстрактная лексика, книжный синтаксис:** *тѣмѣ же убо воистину неразѣкохомѣ тѣла еретической церкви, еже крещениемѣ ихѣ названнаго, но к православной цркви стѣмѣ крещениемѣ соединившееся, всецѣлую блгодать бжю восприяхомѣ ннѣже убо, повнегда составитѣся намъ вѣдино тѣла хва цркве, повнегда изобразитѣся изображениемѣ цркимѣ, повнегда облещѣся одѣяниемѣ чертога, не есмы раскольницы и раздорницы, неесмы отступницы и отцепенцы еретической церкви* [5:182].

Рядом с церковнославянскими элементами в текстах старообрядцев-странников используются варианты, выходящие за рамки книжно-литературных, например, в сочинениях странников XIX века доминирующее положение занимают уже л-формы глаголов прошедшего времени, а простые претериты выступают как вторичные вариантные формы: *и приидоша сии новыя и вольныя отступницы...и раздѣлишася между собою на двѣ части, первая непріяша сщенства и нареклсь в поморскіи секты. а вторая прияла* [9:113]; или использование номинатива в функции обращения рядом с вокативом: *любимцы, животолюбцы, послушатели, поповцы.*

В XIX – начале XX вв. состав маркированных книжных элементов практически не меняется, но их наполненность в процентном соотношении по сравнению с XV–XVI веком снижается, например, аористные формы последовательно используются в сочинениях данного периода только в функции ввода слов сакральных лиц: *здѣ же рече* [8]; *пророцы прорекоша* [9], *стихи апли и стихи оцы предаша и повелѣша* [11]; или в названиях статей: *вопрошеше их, описаша* [9]. Самой частотной аористной формой является форма иллюктивного глагола *рече*. Но в XIX веке она выступает уже как формализованный структурный элемент в конструкциях с прямой речью. Ее употребление избыточно с точки зрения и выражаемого лексического значения, и грамматических характеристик, она является собой символический индикатор книжной принадлежности текста.

Из всей сложной системы прошедших времен именно аористные формы имеют более частотное употребление, что может служить доказательством их «первоначального» усвоения в языке [12].

Использование грамматических вариантов не противоречит целостности мировосприятия авторов-странников.

Языковые навыки, сформированные на основе освоенных текстов предшественников, являются основой преемственности языкового поведения при создании новых текстов. Читательский опыт пишущего позволяет создавать текст, не отличающийся радикально от текстов предшественников, прежде всего по своей синтаксической организации и словарю. Ориентация на прочитанные и освоенные тексты заставляет выбирать линию преемственности, исходя из сознательной установки пишущего. Таким образом происходит усвоение и реинтерпретация текстов предшествующего поколения.

Среди маркированных знаков книжности можно выделить устойчивые элементы, не подвергавшиеся изменению и разрушению на протяжении веков, и подвижные элементы. Данная вариативность не противоречила сохранению традиции, так как основополагающей интенцией являлась соотносительность вновь создаваемых текстов с книжно-литературным языком присутствием в них устойчивых элементов. Традиционные и «новые» (кодифицированные) формы, находясь в одном контексте, отражают восприятие окружающего мира как двойственности бытия.

Новый элемент должен быть сначала идентифицирован, что происходит в период сосуществования двух разных элементов, затем – интегрирован. При идентификации изменения не воспринимаются авторами как отклонение от смысла прежде всего на психологическом (эмоциональном) уровне, т.к. когнитивную структуру, стоящую за знаком, реализует не внешняя форма, а внутренняя. Внешняя форма не воспринимается маркером книжности, если внутренняя форма остается неизменной, тогда слово продолжает быть семантически функциональным. Новая форма отражает произошедшее «затемнение представления» в значении А.А.Потебни [12:134].

Изменение внешней формы не влияет на изменение доминантного когнитивного признака, заложенного во внутренней форме и выполняющего роль стабилизатора когнитивной структуры, представленной словом. Таким образом, содержание мысли осталось без изменения, реалья по-прежнему включена в познавательную деятельность индивида.

Хотя для средневекового сознания «все внешнее понималось как символ внутреннего, и приверженность внешнему ощущалась как приверженность внутреннему содержанию веры» [13:612], внешняя форма изменяется у старообрядцев, когда они были вынуждены создавать свое, «особое» церковное общество, но данные изменения не повлияли на внутреннюю сущность православия.

Письменный язык старообрядцев, несмотря на пуристические тенденции в культурной и языковой деятельности, ориентированный на сохранение средневековой традиции, подвергается изменению. Он не остается неизменным, так как на нем не только воспроизводятся сакральные тексты, но и создаются новые, которые, уже в свою очередь, усваиваются, произносятся и переписываются. Поэтому мы имеем возможность наблюдать дальнейшее развитие древнерусской традиции в условиях нового времени, в иной культурной ситуации.

Письменный язык старообрядцев, ориентированный на традицию, является «живым» языком, в отличие от монофункционального языка официальной церкви, «законсервированного» в узкой области богослужения.

Каждое следующее поколение старообрядцев идет дальше своих предшественников, пользуясь их узусом как прецедентом, а инновации предшествующего этапа оказываются отправным моментом для инноваций следующей стадии процесса. Изменения в письменном книжном языке происходят по пути постепенного замещения элементов на основе их схожести по форме, содержанию или функции.

Континуальность развития языка в условиях изоляционизма и пуризма, в ярко выраженном типе антиассимилятивного культурного поведения, детерминировано свойствами языка как самоорганизующейся системы, с заложенной в ней изначально регулятивно-нормирующим механизмом.

Сочинения старообрядцев представляют собой реальный дискурс, позволяющий восстановить языковую систему не фрагментарно, а целостно, в исторической непрерывности. Исследование нормы данного дискурса в сравнение с унифицированным языком позволяет выявить его социальное и ментальное пространство, а также механизмы преемственности, составляющие сущность русского языка.

Список литературы

1. Градовский А. Национальный вопрос в истории и литературе. СПб., 1873; Rudiger L. Ueber Nationalitat // "Zeitschrift fur Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft", Bd 111, 1865; Steintal H. Die Sage von Prometheus // "Zeitschrift fur Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft", Bd 11, 1862; Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык./Сост. В.М.Живов. М., 1995. С.774; Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С.259.
2. Пищальникова В.А. Язык как когнитивно-коммуникативный механизм // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций: материалы междунар. научн.-практич. конф. «Коммуникативистика в современном мире». Барнаул, 2005. С.46-52.
3. Алексеев А.А. Внутренняя хронология русского литературного языка // Philologia Slavica: К 70-летию академика Н.И.Толстого/Ин-т славяноведения и балканистики РАН. – М.: Наука, 1993; Кречмер А. Актуальные вопросы истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. – 1995. – №6. – С.96-123.
4. Ср.: Хабургаев Г.А., Рюмина О.Л. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVIII в. (К вопросу о понятии «литературности» в предпетровскую эпоху) // Филологические науки. – 1971. – №4. – С.75.
5. Примеры в работе приводятся из рукописных текстов странников без сохранения авторской орфографии: Ответы Архангелогородских староверцев, XVIII в., РГБ, собр.Ундольского, ф.310, №510.
6. Сборник старообрядческий, РГБ, собр. Ундольского, ф.310, №511.
7. Цветник, РГБ, собр. Барсова, ф.17, №447.
8. Цветник, РГБ, собр. Барсова, ф.17, №950.
9. Бесѣдословия, изъявления винъ, заблуждения, обрѣтающихся в различных сектах, РГБ, собр. Олонецкой семинарии, №70.
10. Тестамент наказательный, собрание при старообрядческой церкви г. Новосибирска.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. С.39.
12. Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
13. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык./Сост. В.М.Живов. М., 1995.

ON THE ISSUE OF LANGUAGE EVOLUTION IN THE ERA OF GLOBALIZATION: WORKS OF OLD BELIEVERS

S.Y. Nagornaya

*Belgorod State
University*

*e-mail:
nagornaya@bsu.edu.ru*

The author of the article considers the language of Old Believers ("starobryadtsy") as one of the possible ways of the development of the Russian language in the conditions of isolation.

Key words: evolution of language, codification standart, Old belief.